

Брошенная на пол тряпка лишь подняла облако серой пыли.

Паньди не отрывала взгляда от этого грязного пятна. Цзян Ту даже не смотрел в её сторону, но девушка всё равно чувствовала исходящую от него невидимую тяжесть, которая свинцом давила на плечи.

Мужчины из деревни Множества Благословений тоже внушали ей страх, но то была покорность перед грубой силой, рождённая извечным ужасом перед побоями. Перед этим же юношей она не испытывала животного страха.

От него веяло таким непреклонным, величественным спокойствием, что она просто не смела поднять глаз. Паньди смутно понимала: этот человек — вовсе не случайный путник, зашедший в их глушь.

В её душе вспыхнула отчаянная решимость обречённого:

— Только когда невеста выходит замуж, на полях вырастает этот драгоценный женьшень... Мы с сестрой тайком ходили смотреть! Никакое это не сокровище! Это неупокоенные души, злобные призраки! Если не верите, заставьте старосту показать ларец! Эта тварь испускает такую ярость, что её приходится держать взаперти!

Паньди сорвалась на истошный крик и теперь тяжело, прерывисто дышала, уставившись на Цзян Ту.

И тут она заметила, что в руках у него уже лежит тот самый деревянный футляр. Слушая её, Цзян Ту небрежным движением сдвинул крышку.

Паньди в ужасе отшатнулась:

— Что вы творите?!

С глухим стуком резная крышка упала на земляной пол.

В то же мгновение из открытого ларца клубами повалил иссиня-черный туман. Плотный, осязаемый дым, доселе томившийся в тесном деревянном нутре, вырвался на волю и стал стремительно разрастаться, заполняя собой пространство.

По молельному залу пронёсся ледяной вихрь. Поминальные таблички заходили ходуном, а зашевелившиеся занавеси бросили на стены длинные, колеблющиеся тени, похожие на сонмище призраков.

Из темных глубин со зловещим сухим хрустом выпрямилась мертвенно-бледная рука. Пальцы

неестественно изгибались, точно кости в них были переломаны.

Оцепенев от страха, Паньди не могла даже пошевелиться. Она заврожённо смотрела, как скрюченные, похожие на когти пальцы тянутся прямо к её лицу.

— Берегись! — Е Хуай инстинктивно рванулся вперед, надеясь оттащить девушку, но не успел сделать и шагу, как Цзян Ту ухватил его за воротник и бесцеремонно вернул себе за спину.

— Её она не тронет, а вот тебя — может, — ровным голосом произнес Цзян Ту.

Поражённый его словами, Е Хуай снова устремил взор на Паньди.

Призрачная кисть двигалась сокрушительно быстро, однако набросилась она не на девушку, а на связывавшие её путы. С яростной силой мертвецкие пальцы разорвали пеньковую верёвку в клочья. Только после этого рука, словно в нерешительности, бережно потянулась к щеке Паньди и едва ощутимо коснулась кожи.

Нащупав на девичьем лице налитые синевой кровоподтёки, чернильная мгла заклокотала от ярости. Поток тёмной энергии взвился к потолку, сбрасывая поминальные дощечки на пол одну за другой.

Кладбищенский холод заполонил храм, клубящаяся скверна густела, но Паньди она не задевала, бережно огибая её хрупкую фигуру.

Е Хуай в изумлении переводил взгляд с Паньди на призрака, а после — на Цзян Ту.

Тот стоял со спокойным, почти равнодушным видом, будто предвидел всё заранее. Лишь когда край тёмного облака подобрался слишком близко к его сапогам, Цзян Ту недовольно обронил:

— Забываешься.

Тьма испуганно замерла. Осторожно, едва дыша, она отступила, стелясь по полу у их ног, но больше не смея приблизиться ни на пядь. Смирная — до жути.

Е Хуаю уже доводилось видеть, как свирепые демоны трепещут перед Цзян Ту, и он знал, что нечисть боится его до дрожи. Но почему призрак пощадил беззащитную девушку и выказал такую нежность? В голове мальчика начала складываться смутная догадка.

Цзян Ту приподнял ларец и сухо произнес:

— Живым вредно дышать скверной. Это сокращает земной век.

Словно убоявшись его слов, бледная рука тут же юркнула назад в черные клубы. Тёмное облако замерло, боясь навредить Паньди. У призрака не было ни лица, ни плоти, но Е Хуай затылком чувствовал, как пристально тот смотрит на сжавшуюся на полу бедняжку. Затем комок тьмы медленно развернулся к Цзян Ту и склонился в глубоком поклоне.

Если точнее — он кланялся безмятежно стоявшему рядом мужчине.

Цзян Ту лишь слегка кивнул, подтверждая догадку мальчика:

— Оставь церемонии.

Клубы дыма послушно выпрямились, отвесили ещё один уважительный поклон, а затем резко сжались и устремились обратно в деревянный ларец. Напоследок призрак аккуратно подхватил лежащую на полу крышку. Раздался тихий щелчок — ларец снова оказался плотно закрыт.

Цзян Ту молча протянул футляр Паньди.

Говорить лишний раз ему было попросту лень. В подземном царстве ему никогда не приходилось утруждать себя подобными хлопотами. За эти несколько дней в мире смертных он израсходовал годовой запас сил.

Боковым зрением он заметил, что виновник его внезапных забот во все глаза уставился на него. Цзян Ту мысленно вздохнул: «Какое любопытное создание, глаз с меня не спускает».

Паньди не шевелилась. Плечи её мелко подрагивали, а лицо залила лихорадочная краска. Она не сводила глаз с деревянного футляра:

— Скажите... кто же... кто там заперт?..

Цзян Ту подтолкнул ларец ближе к её ладоням:

— Да.

Крупные слёзы градом покатались по её щекам. Цзян Ту ответил на вопрос, который она так и не решилась произнести вслух.

Злобный монстр, которого она страшилась больше смерти, оказался её собственной плотью и кровью. Её сестрой.

Освободившись от веревок, Паньди опустилась на колени и отползла немного назад, после чего отвесила Цзян Ту глубокий земной поклон. Она прижалась лбом к пыльному полу:

— Спасибо вам, бессмертный господин... Спасибо...

Цзян Ту молча принял её благодарность, чувствуя лёгкую иронию. Бессмертный покровитель? Интересно, как бы изменилось лицо этой девчушки, узнай она, что перед ней стоит Яньван — тот самый грозный владыка преисподней с клыками и синим лицом, чьими изображениями суеверные смертные украшают свои двери.

Паньди ударилась лбом о доски ещё несколько раз и лишь затем дрожащими руками приняла ларец. Теперь в её движениях не осталось и следа страха. Она прижала футляр к груди, ласково коснулась щекой его шершавой поверхности, не обращая внимания на занозы, впивающиеся в нежную кожу.

Когда ледяные призрачные пальцы коснулись её лица, Паньди вспомнила молодую соседку. Перед тем как ту насильно выдали замуж, она точно так же гладила её и Чжаоди по щекам и сквозь слёзы шептала:

«Чжаоди, Паньди... Мне из этой проклятой деревни уже не вырваться. Но вы — вы должны бежать. Обещайте, что спасётесь, слышите?»

Паньди тогда была совсем крохой, лет пяти-шести, а Чжаоди исполнилось десять. Сестра, давась слезами, ответила тогда: «Я знаю, сестрица. Обещаю, я заберу Паньди, и мы убежим».

Соседку выдали замуж, и больше её никто не видел. Год за годом старшие девушки деревни уходили по этой дороге, и ни одна не вернулась назад. Лишь это отчаянное «бегите, спасайтесь» раз за разом прорывалось сквозь визг свадебных сопилок, летело над безымянными могилами и набатом гудело в их ушах.

Но теперь...

Паньди крепче сжала ларец, глотая слёзы:

— Простите меня... Простите... Сестрица, мне не спастись. Мне уже не выбраться отсюда...

Благоприятный час настал.

За порогом взвыли свадебные суоны.

Паньди резко выдернула из волос серебряную шпильку и с силой замахнулась, целясь себе прямо в горло!

Е Хуай метнулся к ней диким зверёнышем. Он среагировал мгновенно, бросившись наперерез, едва шпилька блеснула в её руке, но Цзян Ту всё равно оказался быстрее.

Мальчик даже не уловил его движения — рука Паньди уже была намертво перехвачена в воздухе. Остриё застыло в волоске от её кожи.

«Какая холодная рука, — отрешённо подумала Паньди. — Совсем как тело моей покойной сестры».

Силы мгновенно оставили её. Отчаянная попытка лишиться себя жизни унесла последние крохи мужества. Паньди задрожала, пальцы её безвольно разжались, и серебряная шпилька со звоном покатилась по полу.

— А-а... — из её груди вырвался глухой стон. Внезапно обрётённая сила заставила её вцепиться в запястье Цзян Ту: — Умоляю, пощадите... Господин бессмертный, я не хочу замуж! Спасите меня, умоляю, спасите!..

Цзян Ту посмотрел в её затуманенные ужасом глаза:

— Если ты будешь лишь уповать на чужую милость, то даже если я спасу тебя сегодня, завтра ты погибнешь от чего-то другого.

Паньди не ожидала столь сурового отпора. Лицо её мгновенно побелело, губы задрожали:

— Но что... что я могу сделать? Если останусь — погибну... А побег... Я видела, видела своими глазами! Что-то ухватило сестру за ноги и потащило обратно в деревню... Оно не давало ей уйти!

Она зашлась в истерическом крике, захлёбываясь слезами:

— Я не знаю, что это было! Я пыталась помочь... Била лопатой, швыряла камни, рвала ногтями... Но эта тварь сжимала пальцы всё сильнее, пока кости на щиколотках сестры не хрустнули! А потом... потом завyli эти проклятые суоны, и явился староста со своими людьми... Они забили её до смерти! Мою родную сестру! Забили прямо у меня на глазах!

Она закрыла лицо руками:

— Женщинам отсюда не сбежать. Никому из нас не выбраться из этой деревни!

Цзян Ту едва заметно вздохнул.

Его голос прозвучал коротко и бесстрастно:

— Раздевайся.

Паньди ошеломлённо уставилась на него:

— Что?..

Цзян Ту уже расстёгивал верхние пуговицы своего одеяния. Его холодный, пронзительный взор устремился на застывшую девушку:

— Под венец пойду я.

<http://bllate.org/book/19047/1917734>